

Е. А. Аверьянова

Иринкино счастье

Е. А. Аверьянова

Иринкино счастье

«Public Domain»

1910

Аверьянова Е. А.

Иринкино счастье / Е. А. Аверьянова — «Public Domain», 1910

«Познакомились они еще детьми. Леве было четырнадцать, а Иринке семь лет. Вот как они встретились...»

Содержание

I	5
II	11
III	15
IV	20
V	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Е. А. Аверьянова

Иринкино счастье

I

Познакомились они еще детьми.

Лева было четырнадцать, а Иринке семь лет.

Вот как они встретились.

– Дарья Михайловна! – спросил однажды Лева у своей учительницы гимнастики. – У вас сколько детей?

– Да всего одна только Иринка; стойте прямо, Левочка!

– Только одна, а сколько ей?

– В прошлом месяце семь минуло, да будет вам болтать-то, смотрите, опять левое плечо опустили, возьмите палку!

– А хорошая она у вас, Иринка? – немного погодя спросил Лева.

– О своих трудно судить; кажется, хорошая, мы ее все Черным Жуком называем!

– Черным Жуком, как странно, почему же Черным Жуком?

– Полезайте на лестницу, Левочка, потом поговорим.

Мальчик взобрался на лестницу, но, очевидно, сегодня он не был расположен заниматься гимнастикой.

– А что, Черный Жук тоже делает гимнастику?

– Тоже делает.

– А Иринка послушная?

– О да, очень послушная и, главное, на редкость правдивый, открытый ребенок!

Дарья Михайловна долго крепилась, стараясь оставаться сдержанной во время урока, но, по-видимому, Лева задел ее чувствительную струнку, и кончилось тем, что она увлеклась-таки расспросами мальчика и начала подробно описывать свою Иринку; а Лева, совсем не по правилам, свесился с лестницы одним боком и теперь с большим интересом, внимательно слушал ее.

– Недавно, знаете, просто смех с девчонкой! – говорила Дарья Михайловна. – Одна знакомая дама жаловалась при ней на свою дочь, что та потихоньку какую-то книгу прочла; Иринка была ужасно возмущена; степенно так сложила ручки, лицо серьезное, и покачивает эдак головкой: «Какая же, мама, она нечестная, какая нечестная!» И говорит так это важно, знаете, мы даже все удивились.

– Нечестная, нечестная! – повторил несколько раз в раздумье Лева. Мальчик был сам чрезвычайно правдив, и этот маленький рассказ про Иринку очень заинтересовал его.

– Приведите ее когда-нибудь к нам, Дарья Михайловна!

– Хорошо, когда-нибудь приведу, да только что она будет делать, ведь у вас маленьких в доме нет.

– Я сам займусь с нею, мою коллекцию бабочек покажу, непременно приведите!..

С тех пор Лева постоянно расспрашивал про Иринку, и каждый раз, когда Дарья Михайловна приходила на урок гимнастики, он прежде всего осведомлялся:

– Как Черный Жук поживает? – И затем посылал ей то коробочку, то какую-нибудь картинку, а то и просто пару леденцов, бережно завернутых в бумажку.

– Непременно передайте, Дарья Михайловна, вы скажите ей, что от меня, только не забудьте, пожалуйста!

И Дарья Михайловна очень добросовестно исполняла поручения мальчика и искренно благодарила его за внимание к своей маленькой дочурке.

Скоро и Иринка уже знала, что у мамы есть ученик Лева Субботин, который посылает ей приветы и всегда расспрашивает о ней.

Девочка в свою очередь начала посылать ему картинки, но только за неимением готовых она рисовала их сама на больших листах белой бумаги.

При этом Иринка крепко захватывала тонкими пальчиками малюсенький кусочек карандаша (другого не было), поминутно слюнила его и затем принималась энергично рисовать, глубоко убежденная, что у нее выходит прекрасная картина, содержание которой вполне ясно для всех.

А содержание это обычно бывало очень сложным, так как Иринка обладала неисчерпаемой фантазией.

– Ты только скажи ему, мамочка, чтобы он не боялся, – убеждала она, – это очень страшная картина! Вот тут, видишь, лес, дремучий-дремучий лес, а над ним луна и звезды светят! А вот тут маленькие мальчик и девочка сидят под деревом, и они заблудились, и им ужасно страшно, а из-за дерева на них волк глядит, и он их съесть хочет! Видишь, мамочка, какие у него злые глаза, так и горят, так и горят!

Для большего эффекта девочка ставила в этом месте две огромные черные точки, изображавшие глаза голодного волка. Но затем, впрочем, оказывалось, что злому волку не удалось съесть бедных детей; его вовремя убивает добрая волшебница, после чего она возвращает мальчика и девочку папе и маме. За неимением, однако, места на бумаге, оба родителя были изображены только небольшими крестиками в самом углу листа, сбоку; но девочка была убеждена, что фигуры их прекрасны, хотя и немножко маловаты.

– Знаешь, это оттого, мамочка, что уже больше места не было, – серьезно объясняла она, – а на другой стороне нельзя же было рисовать!

Дарья Михайловна передавала эти сложные картины Лева, и мальчик каждый раз долго смеялся, разглядывая со всех сторон произведения Иринки, и по ошибке нередко поворачивал их вверх ногами.

– Не так, не так, Левочка! – улыбалась Дарья Михайловна. – Ведь это звезды, кружочки-то, а вы картину вниз головой поворачиваете!

И она в подробностях принималась рассказывать содержание рисунка, что всегда особенно забавляло мальчика.

Однако, несмотря на просьбы своего ученика, Дарья Михайловна почему-то медлила приводить Иринку к Субботиним.

«Ну зачем по урокам за собою ребенка таскать! – думала она. – Да и что мой Жучок будет делать у них, тут все взрослые».

Знакомство детей состоялось совсем случайно.

Лева был страшный любитель всякого спорта, но в особенности он гордился своим умением кататься на коньках. И когда стройный, красивый мальчик неся голландским шагом по льду, то нередко случалось, что прохожие невольно останавливались у катка, а маленькие гимназистки и гимназисты принимались громко и с жаром аплодировать ему.

– Молодец! Чудно! Прелесть! – раздавались их восторженные восклицания, но Лева, самоуверенно заложив руки в карманы и слегка покачиваясь, гордо проносился мимо них, совершенно равнодушный ко всем этим шумным овациям.

Лева казался гораздо старше своих лет, но, в сущности, он находился еще в том периоде, когда мальчики почему-то презрительно и даже отчасти враждебно относятся к девочкам-подросткам; разумеется, впоследствии это настроение меняется и бывшие враги нередко становятся лучшими друзьями, но для Левы это время еще не наступило, а потому неудивительно, что мальчик более был увлечен самим катаньем, чем восторженными похвалами своих юных поклонников и поклонниц.

К тому же Лева вовсе не был тщеславен.

Однажды он почему-то не пошел в гимназию и явился на каток несколько ранее, чем всегда.

Гимназисты и гимназистки обыкновенно собирались сюда только по окончании дневных занятий, и на этот раз каток был совершенно пустой.

«Вот чудно-то, никто мешать не будет», – с удовольствием подумал мальчик и, быстро надев коньки, помчался по ровной поверхности льда. Лева и не заметил, что около одного из больших кресел возилась какая-то маленькая девочка, испуганно цепляясь за него и всеми силами стараясь удержаться на ногах.

Но, очевидно, она в первый раз надела коньки и совсем не умела справляться с ними.

Слабые, тоненькие ножки девочки разъезжались в разные стороны, и бедный ребенок каждую минуту готов был расплакаться.

– Брось кресло, говорят, брось, Иринка! – сердилась нянька. – Ведь сказывала тебе соседская барышня, что этак никогда не научишься бегать!

И нянька силою отодвинула кресло.

Маленькая девочка внезапно очутилась на льду без всякой опоры, растопырила руки, инстинктивно стараясь сохранить равновесие, и с ужасом озиралась по сторонам.

Но никто не приходил на помощь, нянька далеко отодвинула кресло, сама же она по-прежнему не решалась сделать ни шагу вперед, и кончилось тем, что бедняжка принялась громко и жалобно всхлипывать.

Лева только теперь заметил ее тоненькую фигурку в белом салопике и, услышав плач девочки, тотчас же подкатил к ней.

– Ты о чем это?! – спросил он ласково.

– Боюсь! – тихонько ответила девочка. – Нянька кресло отняла... я боюсь.

– Не бойся, я поддержу тебя. Хочешь, будем кататься вместе? Давай руку!

Но девочка не трогалась с места и продолжала дрожать.

– Боюсь! – повторила она еще тише. – Очень боюсь!

– Экая ты трусишка, право! – засмеялся Лева и, не долго думая, крепко обнял за талию девочку, в другую руку захватил обе ее холодные дрожащие ручонки и начал осторожно увлекать ее за собою по льду.

– Вот так, сперва одной, потом другой ногой! – терпеливо учил он маленькую незнакомку.

Девочка долгое время трусила, непривычные к движению по льду ноги то и дело подкашивались и разъезжались в стороны, но она чувствовала сильную, уверенную руку мальчика, слышала его ласковый голос, и понемногу ее страх начал проходить, и она невольно стала усваивать указания Левы. Сперва, конечно, очень неумело и неловко, поминутно рискуя упасть, но затем все лучше и лучше, все с большей и большей уверенностью.

– Э, да я вижу, ты совсем молодец! – смеялся Лева. – Хочешь, еще один круг сделаем, не устала?

– Еще! – коротко ответила девочка. По-видимому, она начинала входить во вкус.

На этот раз маленькая незнакомка сама уцепилась обеими ручками за руку Левы и послушно последовала за ним.

Но разговаривать со своим учителем она еще не решалась, и только по временам, когда ей особенно удавалось какое-нибудь движение, девочка принималась тихонько смеяться и доверчиво поднимала к Леве свое смуглое, покрасневшее личико.

– Ну, будет с тебя на сегодня! – объявил наконец Лева.

Они только что во второй раз прокатились вокруг катка и теперь подъезжали к тому месту, где их ожидала няня.

– На первый раз довольно, а то завтра станут ножки болеть. Прощай, малыш!

– Да-да, и нам пора, пойдем, Иринка! – торопила нянька. – Скоро маменька к обеду придут!

– Как вы сказали, – Иринка? – быстро переспросил Лева. – Тебя Иринкой зовут, малышка?

– Иринкой.

– А твою маму как зовут?

Ребенок с удивлением вскинул на него свои большие глаза:

– Мою маму мамой зовут!

– Ах какая же ты глупенькая! Как зовут вашу барыню? – спросил мальчик, обращаясь к прислуге.

– Дарьей Михайловной.

– Дарьей Михайловной? А, так это ты, значит, Черный Жук? – радостно засмеялся Лева, очень довольный своим новым знакомством. – Ну а я Лева, ученик твоей мамы, Лева Субботин, тот самый, которому ты такие чудные картинки присылала. Смотри же, ты мне еще нарисуй, я их все на память сберегу, хорошо?

– Хорошо!

Девочка смотрела на него большими удивленными глазами; по-видимому, ее поразила эта неожиданная встреча, а раскрасневшееся личико ее так и сияло от удовольствия.

– А то вот что, – продолжал Лева, – хочешь, давай вместе кататься, я тебя учить буду, приходи сюда с няней каждый день, так... около четырех часов?

– Ты лучше няне скажи когда, я часов не знаю, – созналась Иринка. – А то вдруг мы опоздаем, а ты и уйдешь!

– Ну хорошо, я няне скажу!

И, нагнувшись к девочке, Лева хотел чмокнуть ее в щеку, но Иринка приподнялась на цыпочки, обвила руками его голову и сама крепко поцеловала Леву.

– До завтра, Черный Жук! – засмеялся мальчик и, ловко повернув на одной ноге, помчался вперед, огибая большой круг по самой рамке катка.

Иринка неохотно следовала за нянькой, то и дело оборачиваясь и провожая глазами удаляющуюся фигуру мальчика.

В воображении ее создавалась теперь уже новая, чудная картина. Она сейчас дома нарисует ее: всюду лед, лед, только лед... бесконечное белое пространство, а посреди него, как большая черная птица, летит Лева, тот самый Лева, для которого она уже давно рисовала свои лучшие картины, сочиняла свои лучшие сказки.

На другой день, когда Лева пришел в условленный час на каток, Иринка уже ждала его.

Девочка сидела в большом кресле, а сторож прилаживал хорошенькие никелированные коньки к ее высоким сапожкам.

– Подождите, я лучше сам, – проговорил мальчик, отстраняя сторожа и быстро опускаясь перед нею на колени. Он заботливо осмотрел коньки, подтянул левый ремешок, поправил шнуровку и затем весело объявил: – Ну, теперь все в порядке, едем, Черный Жук, молодец, что не опоздала!

Иринка не спускала с него своих блестящих глаз, но все еще немного стеснялась и не решалась вступать в разговор.

На этот раз урок был гораздо успешнее, девочка почти не трусила, и Лева не пришлось таскать ее за собою; Иринка кое-как сама держалась на ногах и старательно копировала все движения, которые показывал ей Лева.

Вообще под руководством мальчика дело шло необычайно успешно, и с каждым днем Иринка становилась все увереннее и отважнее.

Оказалось, что девочка вовсе не такая трусиха, как сначала думал Лева, и вскоре сам учитель смог гордиться успехами своей маленькой ученицы.

Не прошло и трех недель, а Иринка уже могла свободно следовать залевой голландским шагом; так же как и он, слегка покачиваясь, девочка преуморительно откидывала при этом свои маленькие ножки, обутые в белые гамаши.

Лева не держал уже ее за талию, они катались взявшись за руки, и прохожие теперь невольно заглядывались на эту пару: высокого, стройного мальчика и его маленькую спутницу, так легко и изящно летевшую за ним.

Пока Иринка училась кататься, Лева нарочно приходил на каток несколько раньше, прямо из гимназии, не заходя домой.

Каток в это время был совершенно пуст, и им никто не мешал. Девочка больше всего любила кататься вдвоем, наедине слевой.

В эти дни Иринка бывала особенно весела.

Порою, шутя, она вдруг нарочно выдергивала у мальчика руку и быстро неслась вперед, делая вид, что хочет убежать от него.

Разумеется, Лева сейчас же настигал ее, так как все еще боялся далеко отпускать свою ученицу.

К счастью детей, зима в этом году стояла очень хорошая, и тихая ясная погода как нельзя лучше благоприятствовала урокам на льду.

Иногда, впрочем, несмотря на яркое солнышко, выпадал легкий, пушистый снежок, и маленькие елочки у изгороди катка становились мохнатыми и загорались сотнями разноцветных огней, а Иринка в своем светлом костюме напоминала Снегурочку.

– Смотри, – говорила девочка Леве, она уже совсем освоилась со своим учителем и больше не стеснялась его. – Смотри, какое все белое вокруг нас: и деревья, и крыши, и мы оба; ты прищури глаза, правда, совсем как в сказке про Деда Мороза? Лед так и блестит, точно дорога к солнцу, а мы с тобой, как две птицы, летим, летим, все вперед, все вперед...

Девочка, прищурив глаза и широко раскинув руки, быстро неслась по льду, действительно воображая, что она в царстве Деда Мороза несется по блестящей серебряной дороге прямо к солнцу. Рассудительный Лева очень боялся такого настроения у маленькой Иринки, так как при этом она совершенно забывала всякую осторожность и совсем не смотрела себе под ноги.

Обыкновенно кончалось тем, что мальчик крепко схватывал ее за руку и больше не отпускал от себя.

А Иринка с пылающим лицом продолжала на ходу сбивчиво рассказывать ему свои удивительные сказки про Деда Мороза, и дорогу к солнцу, и маленькую Снегурочку...

Фантазия Иринки была неисчерпаема, и когда у нее не доставало готовых историй, она сочиняла их сама и с самым серьезным видом рассказывала Леве, о чем, например, сидя на крыше, сегодня спорили маленькие воробушки, про что думает в своей клетке ее канарейка.

– Ну, а о чем мечтает вон та ворона на заборе, может быть, ты и это знаешь? – пошутил однажды Лева, указывая на большую черную птицу неподалеку от них, желая озадачить девочку.

Но Иринка не задумалась над ответом.

– Ох, у нее очень дурной характер, у этой вороны! – серьезно объявила маленькая выдумщица. – Она со всеми птицами перессорилась и теперь завидует нам, потому что осталась одна и ее никто не любит!

Словно в ответ на эти слова, ворона пронзительно закаркала и, тяжело хлопая крыльями, поднялась с забора и улетела.

– Ты видишь, ты видишь, как она рассердилась! – тихонько заметила Иринка. – Это оттого, что мы догадались, а ей это ужасно неприятно!

Но Иринке, к сожалению, не всегда удавалось кататься слевой вдвоем; иногда он запаздывал, и тогда на каток собиралась молодежь – гимназисты и гимназистки, его отзывали, нужно было каждую минуту раскланиваться, и все это им обоим очень надоедало.

II

Уездный городок Вельск, где жила семья Левы, был очень небольшой, и, разумеется, все местное маленькое общество отлично знало друг друга.

Гимназистки-подростки, восхищавшиеся Левой Субботиным как главным танцором и спортсменом в их кружке, были теперь крайне возмущены его дружбой с Иринкой.

– Нечего сказать, нашел себе компанию! – презрительно поджимала губки хорошенькая Милочка Назимова, слывшая первой красавицей среди подруг по гимназии. – Терпеть не могу эту Чернушку, даром что маленькая и все молчит, а посмотрите, как она смело глядит в глаза! Чертенек этакий!

Сама Милочка была довольно полной блондинкой, почти одних лет с Левой, с прелестными ямочками на пухлых розовых щеках и с васильковыми глазами. Она ужасно возмущалась тем, что Лева не обращал на нее никакого внимания.

Милочка и на коньках-то начала бегать, главным образом, чтобы иметь случай ежедневно встречаться с Субботиным, и в душе надеялась, что он будет учить ее; но перспектива учить тяжеловесную и не особенно ловкую Милочку нисколько не прельщала Леву; он предпочитал по-прежнему отмеривать голландским шагом каток вместе с Иринкой и оставался совершенно равнодушным ко всем улыбкам своей хорошенькой поклонницы. Зачастую она нарочно при-творялась, что ужасно боится, то и дело вскрикивала и подзывала Субботина на помощь...

Это страшно надоедало и Леве и Иринке; темные глаза ее становились совсем черными и мрачно устремлялись на Милочку.

– Какая противная девчонка! – не утерпела она однажды. – Я не хочу больше, чтобы ты катался с нею!

Мальчик с удивлением поглядел на Иринку; он никогда еще не видал ее такою сердитой.

– Что с тобою, Черный Жук, почему я не должен кататься с Милочкой? Она наша знакомая и бывает у нас, ее мама обидится, если я буду невежлив с нею.

Иринка ничего не ответила, но только стала ужасно молчалива, и всякий раз теперь, когда Лева болтал с Назимовой, девочка отходила в сторону и ждала поодаль.

Однажды был праздник; дети в гимназию не пошли, а так как на дворе стояла ясная и довольно мягкая погода, то понятно, что вся молодежь собралась на катке, где к тому же в этот день ожидалась музыка.

Лева тоже пришел.

Милочка уже ждала его. Ради праздника она надела бархатную голубую шапочку, отделанную белым пухом, на шею повязала такой же голубой шелковый шарфик, выпросила у матери пару новеньких светлых перчаток и была уверена, что на этот раз затмит всех подруг изяществом.

Милочка уже несколько раз пробежала мимо Левы, грациозно наклоняя голову и посылая ему самые очаровательные улыбки, но Лева и не думал следовать за нею.

Он оставался у эстрады, где играла музыка, медленно прилаживая свои коньки и нетерпеливо поглядывая на улицу в ожидании Иринки.

Почему-то она сегодня немного запоздала, а мальчик так привык к своему маленькому другу, что ему явно не хватало его.

Милочка наконец не вытерпела.

– Кого вы тут поджидаете, Левочка? – насмешливо спросила она. – Уж не вашу ли Чернушку?

– Да, я жду Иру, что-то долго нет ее сегодня, – откровенно ответил мальчик.

– Ну, вот тоже охота ждать ее, не пропадет она, ваша Ира, сделаем лучше один тур со мною, вы еще не хвалили меня за успехи!

Лева неохотно подал ей руку, и они быстро помчались вперед...

– Ну что, разве не удобнее кататься с ровесниками? – спросила немного погодя Милочка, нагибаясь к нему и всеми силами стараясь обратить внимание Субботина на ее голубую бархатную шапочку. – Правда ведь, гораздо удобнее?!

– Пожалуй, удобнее, – равнодушно согласился Лева, – но зато Ира лучше вас всех катается и при этом умеет бегать голландским шагом, чего ни одна из вас не умеет.

Самолюбивая Милочка даже покраснела с досады и сердито закусил губки. «Противный, противный цыганенок!» – мысленно возмущалась она. Ну почему Лева предпочитал эту девочку? Милочка была готова отколотить бедную Иринку.

А «цыганенок», словно нарочно, как раз появилась в эту минуту у входа, и девочка уже издали делала знаки Лева, призывая его помочь ей надеть коньки, так как она привыкла, что он всегда это делал.

– А вот и Черный Жук! – обрадовался Субботин. – А я-то горевал, что она не придет сегодня!

И, не обращая более внимания на Милочку, Лева быстро покатыл навстречу своему маленькому другу.

Милочка Назимова видела, как радостно повисла у него на шее Иринка, как затем он бережно усадил ее в кресло, а сам стал на колени и начал прилаживать ей коньки... и Милочке стало еще досаднее. С этой минуты она уже окончательно невзлюбила «чернушку».

А между тем на катке становилось все оживленнее и оживленнее, музыка так и гремела, молодежь разбрелась попарно в разные стороны и теперь, взявшись за руки, весело неслась под звуки вальса по гладкому, блестящему льду.

Присутствие на катке военного оркестра, разумеется, увеличивало удовольствие катающихся. Иринка, очень музыкальная от природы, невольно старалась двигаться в такт музыке.

Субботин сегодня никак не мог угодить ей.

– Ты спешишь, Лева, не так, не так! Слышишь, как тихонько играет музыка, не делай таких больших шагов!

Девочка сильно покраснелась от быстрого бега, белый капор ее съехал назад, и вся она так и сияла от удовольствия.

Иринка была прехорошенькая, и даже Лева, в общем очень мало обращавший внимание на внешность, сегодня не мог не любоваться девочкой.

– А вы, кажется, по обыкновению, неразлучны со своей дамой? – поддразнивали его более взрослые девушки.

– Чернушка, чем это ты приворожила так нашего Левочку?!

– А посмотрите-ка, как она голландским шагом махает! Небось ни одной из вас не угнаться за ней! – посмеивался Лева. – Даром что маленькая, а вас, больших, за пояс заткнет! Вот она какая, Чернушка-то моя!

И Лева с гордостью наставника указывал на свою ученицу.

А Иринка в пуховом капоре и белом пальто, как маленькая Снегурочка, грациозно неслась вперед, нисколько не обращая внимания на насмешливые взоры вокруг и только радуясь, что может угодить Лева.

– Иринка, у тебя капор сейчас свалится! – крикнула ей вдогонку Милочка, когда девочка пробежала мимо нее. – Давай я тебе поправлю!

Иринка остановилась и доверчиво наклонила голову.

Милочка делала вид, что поправляет капор, но при этом, как бы нечаянно, так сильно ущипнула девочку за ухо, что бедная Иринка едва не вскрикнула от боли и обиды. У нее даже слезы выступили на глаза. Однако она ничего не сказала и только, вспыхнув, мрачно посмотрела на Милочку.

– Ах, прости, пожалуйста, я, кажется, нечаянно твои волосы задела! – с самым невинным видом заметила Назимова и, быстро отойдя от девочки, покатила дальше.

Но Иринка отлично чувствовала, что это вовсе было не нечаянно с ее стороны, и, затаив обиду в маленьком сердце, решила в свою очередь отомстить ей.

Случай не замедлил представиться.

У самой изгороди катка была сложена довольно большая куча рыхлого, свежего снега. Иринка выждала момент, когда Назимова, щеголявшая своим умением кататься, грациозно пробегала мимо нее; не долго думая, девочка ловко толкнула ее, и Милочка со всех ног полетела в снег.

Грузная и неповоротливая, она сердито барахталась на льду и, не имея опоры, никак не могла подняться, а Иринка спокойно стояла тут же, но и не думала помогать ей.

К счастью Милочки, скоро другие подоспели ей на выручку и кое-как общими усилиями помогли встать на ноги. Назимова, впрочем, нисколько не ушиблась, но только, Боже, как испачкался и на что стал похож теперь ее чудный костюм! Голубая бархатная шапочка покрылась густым слоем мокрого снега, волосы растрепались и развились, а новые светлые перчатки совсем промокли.

Хуже всего, однако, было, конечно, сознание, что она, Милочка, так некрасиво упала и теперь выглядела такой смешной в глазах всех.

– Это вот, вот кто виноват! – кричала она, стряхивая снег со своей шубки и сердито показывая на Иринку.

Но Иринка стояла на месте все с тем же невозмутимым спокойствием и, по-видимому, даже не считала нужным оправдываться или опровергать обвинения.

Лева, который перед тем заболтался с товарищами немного поодаль, теперь, услышав сердитые возгласы Милочки, также подоспел к их маленькой группе – узнать, в чем дело.

– Иринка, неужели ты действительно толкнула ее?! – спросил он недовольным тоном.

– Да!

– Нарочно?

– Нарочно!

– Но зачем, зачем, скажи на милость?! – возмущался мальчик. – Разве ты не понимаешь, что Мила могла сильно разбиться?

Иринка ничего не ответила, только холодно посмотрела на него, и в темных больших ее глазах не видно было ни единой искры раскаяния.

– Фу, какая ты нехорошая девочка! – рассердился Лева. – Я и не знал, что ты такая злая! Говори сейчас, зачем ты это сделала?!

Но Иринка вместо ответа повернулась к нему спиной и молча покатила вперед.

– Нет, матушка, шалишь, не уйдешь, не уйдешь, изволь раньше сказать, зачем ты это сделала?! – решительно воскликнул Лева, нагоняя девочку и сердито хватая ее за руку. – Говори сейчас!

– Хотела так! – коротко ответила Иринка и, вырвав у него руку, быстро направилась к выходу.

Лева с удивлением посмотрел ей вслед, однако удерживать не стал.

«Ну что ж! – думал он с досадой. – Пусть она бежит, если хочет! Небось соскучится и опять придет!»

Но Иринка не пришла, и Лева Субботину стало самому скучно без нее; немного погодя он отправился отыскивать девочку в толпе катающихся.

Леве было неприятно теперь, что он так резко обошелся с ребенком, даже не узнав хорошенько, в чем дело.

«Нужно было расспросить ее как следует, – думал Лева. – Непременно расспросить...»

Но, увы, расспрашивать было некого; Иринка уже ушла домой, впервые не попрощавшись с ним!

– Левочка, о чем вы мечтаете тут?! – неожиданно раздался около него голосок Назимовой. – Давайте вальсировать вместе!

Милочка была теперь особенно нежно к нему настроена, так как считала его своим рыцарем. Разве он не заступился за нее, не возмущался поступком этой противной девчонки, даже больше того – он совсем рассорился с Чернушкой, и все ради нее, ради Милочки.

– Давайте вальсировать, Левочка! «По синим волнам Дуная» – такой упоительный, такой чудесный вальс!

Мила Назимова уже успела немного оправиться после своего недавнего падения в снег. Она кое-как отчистила бархатную шапочку, снова пригладила прическу и отыскала в кармане другие перчатки.

Милочка тянула немного в нос, стараясь казаться томной и таинственной...

– Вы не находите?

– Может быть, вальс-то и упоительный, кто его знает! – равнодушно ответил Лева. – Я в этом мало, признаться, понимаю, но зато лететь вверх тормашками вовсе не упоительно и не поэтично, а вы, кажется, уже испытали это сегодня, так зачем же еще раз повторять? – усмехнулся Лева.

– Но почему же непременно вверх тормашками?! – обиженно проговорила Милочка, возмущившись прозаичностью своего рыцаря.

– Да где же вам вальсировать под музыку, когда вы еще еле на ногах держитесь! – Он холодно поклонился и направился к выходу.

– Куда же вы, Левочка, неужели домой уже?!

– Да, домой, надоело что-то, да и обедать пора!

Лева был не в духе и сам хорошенько не понимал, что, собственно, так сильно раздражало его.

Как ни смешно, быть может, для его возраста, но случайная размолвка с Черным Жуком была очень неприятна Субботину, и теперь среди веселящейся компании на катке ему не доставало его маленького друга.

«Какая противная эта Милочка! – почему-то подумал Лева совершенно неожиданно для себя, и вдруг решил еще более неожиданно: – А это хорошо, впрочем, что Иринка ей подножку дала!»

III

Ни на другой, ни на третий день Иринка не появилась на катке.

Лева уже начал беспокоиться, здорова ли она.

Как нарочно, у Дарьи Михайловны разболелись зубы, и она также последние два дня не приходила на гимнастику, так что мальчику и спросить было некого, как поживает Черный Жук.

«Быть может, впрочем, Иринка теперь пораньше приходит, пока на катке никого нет?!» – подумал он и однажды нарочно забежал туда прямо из гимназии, не заходя домой.

Но каток был совершенно пуст, и нигде не белел знакомый маленький капор.

Лева пробежался раза два взад и вперед, и ему сделалось скучно.

Огромная черная ворона сидела на шесте у самого входа на каток и, точно смеясь над ним или предвещая что-то недоброе, громко каркала на своем непонятном языке.

Лева невольно вспомнил, как несколько дней тому назад они бежали тут вместе с Иринкой, и на изгороди сидела вот такая же большая черная ворона, и Иринка пресерьезно уверяла его, что у нее очень, очень дурной характер и что она завидует им.

«Должно быть, и у этой дурной характер! – подумал Лева, и ему стало еще грустнее. – Вот что! – внезапно обрадовался мальчик. – Надо зайти к ней, а кстати, я узнаю заодно, как поживает Дарья Михайловна. Удивительно, право, как это мне раньше не пришло в голову?!»

Лева закинул за спину коньки и, очень довольный своим решением, быстро направился к соседней улице, где жила Дарья Михайловна Фомина, его учительница гимнастики.

Он застал Иринку одну в гостиной за круглым столом.

Девочка что-то писала на доске, серьезно выводя большие печатные буквы.

При его появлении она вскрикнула от неожиданности и густо покраснела, однако поздоровалась с ним довольно сдержанно и не кинулась к нему на шею, как бывало прежде.

«Должно быть, все еще сердится!» – подумал мальчик.

– Ты чего это исчезла, сударыня? – начал Лева, усаживаясь рядом и заглядывая в ее доску.

Но девочка быстро отодвинула доску и ни за что не хотела показать ему свое писание.

Однако мальчик все-таки успел прочесть первое слово крупным детским почерком: «Лева». Он улыбнулся, и ему захотелось расцеловать девочку, но она держалась сегодня почему-то ужасно чинно.

– Ну, говори скорей, Черный Жук, ты чего запропала и на каток не приходишь? – снова спросил Лева.

Иринка продолжала сидеть опустив голову, но упорно молчала.

– Ты думаешь, мне очень весело кататься там одному? Я даже начал бояться, что ты нездорова, и пришел справиться, как видишь!

Иринка быстро вскинула на него большие глаза, но сейчас же опять опустила их.

– Ты это о маме пришел справляться! – заметила она тихонько.

– Ну да, и о маме, конечно, – согласился Лева. – Но и о тебе тоже! Когда же ты теперь придешь на каток?

– Я не приду больше, катайся с Милочкой. Я злая, нехорошая девочка, ты сам сказал! – При этом воспоминании у Иринки задрожал голосок, она, видимо, боялась расплакаться и повернулась спиной.

– Ах какая же ты злопамятная, – засмеялся мальчик. – Ну давай мириться, когда так, Черный Жук. Я готов самым смиренным и почтительным образом просить у вас извинения, прелестная девица, только позвольте вашу лапку и перестаньте гневаться!

Иринка повернула к нему свое улыбающееся личико и звонко рассмеялась.

– Ну, слава Богу, наконец-то! – обрадовался Лева. – А теперь, Черный Жук, так и быть, сознайся-ка мне, почему ты в тот раз толкнула Милочку?

– Тебе жаль ее?! – быстро спросила Иринка.

– Да нет, нисколько, ведь с нею ровно ничего не случилось, она только так смешно барахталась в снегу!

– Как медведь, – нахмурилась Иринка.

– Ты не любишь ее, Черный Жук! За что?

– Не-на-ви-жу! – страстно проговорила девочка и для большей убедительности даже руками взмахнула в воздухе.

Лева с удивлением смотрел на нее:

– Но почему же, почему ты так ненавидишь ее?!

– Она злая, злая, как та черная ворона на катке, – помнишь? – и тоже завидует нам, потому что мы вместе катаемся.

Иринка с возмущением поведала Лева, как противная Милочка больно ущипнула ее за ухо и сделала вид, что это случайно.

– Но это неправда! Я знаю! – горячилась девочка. – Совсем не случайно, у меня потом долго болело даже!..

Лева рассердился:

– Отчего же ты мне тогда не сказала этого?!

– Я думала, ты не поверишь, ты так жалел ее!

– Глупая девчонка! – не то шутя, не то серьезно воскликнул Субботин и слегка притянул ее к себе. – Ну, покажи, которое ухо?!

– Вот это!

– Бедное, бедное ухо!

Он не мог представить, как можно было нарочно причинять боль такому крошечному ушку, и в эту минуту он и сам готов был искренно ненавидеть Милочку.

Мир был окончательно заключен между детьми, и они условились на другой же день снова встретиться на катке; Лева даже обещал приходить теперь пораньше, прямо из гимназии, чтобы им никто не мешал.

– А ворона пусть сидит и завидует! – лукаво заключила Иринка и многозначительно посмотрела на мальчика.

«Ну разумеется, пусть себе завидует!» – думал и Лева, возвращаясь домой, и на этот раз в наилучшем настроении.

Для учеников частной гимназии, где занимался Субботин, наступило трудное время: приходилось сдавать за вторую четверть перед Рождественскими каникулами, и Лева учился с утра до вечера.

Он считался одним из лучших учеников и хотел получить хорошие отметки. Теперь ему некогда было ходить на каток; прямо из гимназии мальчик спешил домой, чтобы поскорей опять усесться за книги.

– Противные, гадкие книги! – сердилась Иринка. Без Левы она тоже не ходила на каток – и очень скучала.

– Мама, много еще осталось Лева книг выучить? – спрашивала она то и дело у матери.

– Много, девочка!

– А он закончит когда-нибудь?

– Ну разумеется, закончит – наступит елка, и Лева будет свободен!

– И я увижу его?

– Увидишь, увидишь, – утешала мать, и Иринка понуря голову снова принималась за свои рисунки для Левы и ежедневно заполняла ими все карманы Дарьи Михайловны.

Однажды, впрочем, она не ограничилась только рисунками, но прибавила к ним еще и маленькое письмо.

Иринка выпросила у матери несколько копеек, купила красивую почтовую бумагу и большими печатными буквами написала:

*«МИЛЫЙ ЛЕВА, И Я ОЧЕНЬ ДАЖЕ СКУЧАЮ И ОЧЕНЬ ЦЕЛЮЮ
ТЕБЯ.
ЧЕРНЫЙ ЖУК».*

Лева был тронут. Он положил письмо себе на стол и велел передать Иринке, что искренно благодарит ее и сохранит письмо на память.

Однажды Дарье Михайловне нужно было зачем-то послать к Субботиным. Она отправила к ним кухарку и предложила Иринке идти вместе с нею.

– Пройдись немного, Жучок, погода хорошая, а кстати, может быть, и Леву застанешь!

Иринка ничего не ответила, только вся вспыхнула от удовольствия и, видимо волнуясь, принялась сейчас же натягивать свои гамаши.

– От кого? – спросил Лева, выходя в полутемную переднюю, когда ему подали записку его учительницы.

– Лева! – прозвучал около него тоненький знакомый голосок.

Лева быстро нагнулся:

– Как, неужто это ты, Черный Жук? Дайте лампу скорее, почему тут темно? Иди-ка, иди на свет, малыш, я сто лет не видал тебя!

Иринка еще ни разу не была у Субботиных.

Мальчик ужасно обрадовался. Он потащил ее к себе в комнату, и на столе у Левы на самом видном месте она заметила свое письмо.

– Видишь, как я берегу его! – улыбнулся Лева. – Ну, а теперь раздевайся, ты должна немного посидеть у меня, мы давно не видались, поди скажи своей прислуге, что я вечером сам отведу тебя домой. Ладно?

Иринка с восторгом побежала раздеваться в переднюю и там очень гордо заявила кухарке, что она остается по просьбе молодого барина, который обещал вечером сам проводить ее домой, – пусть мама не беспокоится.

Когда Иринка минуту спустя вернулась обратно в комнату Левы, она застала его уже за письменным столом с какой-то книгой.

Мальчик опустил голову на руки и что-то серьезно, вполголоса твердил про себя. Иринка тихо уселась на ближайший стул, сложила руки и молча, не спуская глаз, следила за Левой. Некоторое время он продолжал читать, даже не замечая ее присутствия.

– Однако где же это Черный Жук? – спохватился наконец Лева, вспомнив про свою маленькую гостью.

Мальчик оглянулся.

– А, ты тут, а я и не слышал, как ты вошла, что ты там делаешь в темноте? Иди же сюда, поближе к лампе!

– Я боялась мешать тебе! – робко проговорила Иринка, подходя к столу.

Ты мне не будешь мешать, садись вот тут, а я тебе дам картинки разглядывать.

– Нет, дай мне лучше бумагу и карандаш, я рисовать буду! А ты учись, учись, Лева, не теряй время, пожалуйста! – очень серьезно прибавила девочка, степенно усаживаясь за стол рядом с ним.

Мальчик положил перед нею несколько листов белой бумаги и сам очинил карандаш.

Иринка была чрезвычайно довольна, и когда часом позднее их пришли звать пить чай, то оба приятеля никак не ожидали, что уже так поздно; они и не заметили, как пролетело время,

и Лева даже находил, что ему было гораздо веселее и приятнее учить уроки в присутствии Иринки.

– Вот как, и ты, Чернушка, явилась? – ласково улыбнулась ребенку Прасковья Андреевна, бабушка Левы, разливавшая чай у самовара. – Ну, садись, садись, гостьей будешь! Старушка очень любила девочку, которую знала еще грудным ребенком и не раз видела, навещая свою приятельницу Дарью Михайловну.

Но мать Левы, Надежда Григорьевна, слегка поморщилась и казалась недовольной:

– Не понимаю я, право, к чему это Дарья Михайловна посылает ребенка именно теперь, когда Лева так занят, ведь понятно, я думаю, что присутствие девочки может только мешать ему!

Она говорила по-французски, но чуткая Иринка сразу поняла, что речь идет о ней, и большими беспокойными глазами следила за говорившей.

– Разумеется, мешать! – подтвердила Лиза, сестра Левы, на год старше его, которой почему-то всегда доставляло удовольствие дразнить младшего брата.

– Пожалуйста, замолчи! – вспыхнул мальчик. – Нисколько, нисколько не мешает даже, Иринка будто муха, ее и не слышать вовсе, а вот ты действительно мешаешь, когда то и дело врываешься ко мне по пустякам: то за книгой, то за чернилами – или начинаешь рядом в комнате петь свои цыганские романсы, да еще все время детонируешь и врешь!

Мальчик ушел к себе сильно раздосадованный; он даже второго стакана не допил.

В качестве младшего сына и любимца бабушки Лева считался баловнем в семье, и ему позволялось очень многое, чего не разрешалось другим.

– Ну почему вы придираетесь к Левочке? – тотчас же недовольным тоном заметила Прасковья Андреевна. – Разве недостаточно, что ребенок весь исхудал и побледнел и целыми днями сидит за книгами? Что же тут такого, в самом деле, если ему доставляет удовольствие присутствие этой милой крошки? Не понимаю, право! – И старушка ласково наклонилась к девочке: – Иринка, еще сухарик вот этот возьми, сладенький, да давай чашку, я тебе еще налью!

Но девочка молча поцеловала бабушку и, также оставив недопитую чашку, быстро побежала вслед за Левой в его комнату; она боялась, что ее задержат за чаем, а потом, может быть, и вовсе больше не пустят к нему; за столом же у Субботиных Иринке было как-то не по себе: тут сидело столько чужих, посторонних людей – и все они, за исключением только бабушки, как ей казалось, холодно и недружелюбно смотрели на нее.

В седьмом часу Лева, как обещал, отправился провожать Иринку домой.

Вечер был морозный, но тихий.

Маленькие фонарики тускло горели на улицах, но сверху на них смотрело звездное небо, и луна ярко освещала снежную дорогу, по которой теперь весело и бодро шли за руку дети, как два товарища, отдохавшие после дневной серьезной работы.

– Я не совсем еще окончила мою картину! – серьезно заявила Иринка. – Ты спрячь ее, пожалуйста, я как-нибудь опять приду и тогда дорисую ее!

– Да, непременно приходи! – так же серьезно соглашался мальчик. – Мне с тобою как-то веселее, да и полезно потом немножко пройтись, я тебя буду сам домой отводить, хорошо?

Иринка в знак согласия только тихонько пожала его руку, и дети условились встречаться теперь каждый день в определенный час.

Иринка будет приходить к Леве.

Однако на другой день мальчик напрасно прождал ее. Он уже с утра освободил для девочки целый угол письменного стола, придвинул к нему большое удобное кресло с высокой подушкой для сиденья, разложил ее неоконченную картину и снова отточил карандаш.

Но, увы, Иринка – не пришла!

В четвертом часу Леву позвали в столовую, мальчик вышел в комнату сильно не в духе и казался пасмурным и недовольным.

Как назло, за чаем у Субботиных сидели гости и, между прочим, Милочка с матерью, по-видимому уже давно ожидавшая случая поболтать слевой.

Но Лева был положительно нелюбезен сегодня. Он уселся у самовара, поближе к бабушке, уткнулся в свой стакан и еле-еле отвечал на вопросы и шуточки Милочки.

Надежда Григорьевна несколько раз строго взглянула на сына, но мальчик делал вид, что не замечает красноречивых взглядов матери, и продолжал по-прежнему упорно отворачиваться от гостыи.

Ему все время вспоминалось бедное пострадавшее ушко Чернушки, и румяная, хорошенькая Милочка была в эту минуту невероятно противна Леве.

– Отчего это наш Левочка такой хмурый сидит? – кокетливо допытывалась Милочка.

– Его пассия изменила ему на сегодня! – громко расхохоталась Лиза, и они принялись смеяться и дразнить мальчика.

Лева сердито отодвинул стул и направился к себе.

– Куда ты? – закричала ему вслед бабушка.

– Голова болит! – коротко ответил мальчик. – Пойду пройдуся!

– Знаем мы, знаем, отчего у него вдруг так голова разболелась и куда он идет теперь! – смеялась Лиза, и Лева еще долго слышал за собою резкий голос сестры и насмешливое хихиканье Милочки, но мальчику было все равно; у него действительно немного болела голова, и он с удовольствием вышел на улицу.

«Пойду навещу Иринку, – сейчас же надумал Лева. – Здоров ли мой Черный Жук?»

И он быстро повернул на знакомую улицу, где жила Дарья Михайловна Фомина.

Лева застал свою учительницу за какой-то работой у большого круглого стола в гостиной.

Как тихо и уютно показалось мальчику в этой мирной комнатке с белыми занавесками, старинным широким диваном, маленьким пианино в углу и большим круглым столом, у которого работала теперь Дарья Михайловна. Низенькая лампа под розовым абажуром мягко освещала всю комнату, в печке весело трещал огонь, а на ковре, у ног матери, играла Иринка, расставляя какие-то кубики и, конечно, воображая при этом, что у нее выходит роскошный замок.

Лева сейчас же присел рядом с нею на ковер и начал показывать девочке, как нужно строить необычайно высокую и красивую башню.

Иринка никак не ожидала его прихода, зная, насколько он занят, а потому появление мальчика было для нее настоящим сюрпризом.

Оказалось, что Дарья Михайловна не хотела пускать ее к Субботиным, боясь, что присутствие Иринки будет мешать занятиям Левы.

– Уверю вас, что нисколько не будет мешать, Дарья Михайловна, нисколько! – горячо убеждал ее мальчик. – Но если вы мне не верите, то я попрошу бабушку написать вам, и вот увидите, что она подтвердит мои слова.

Прасковья Андреевна, впрочем, всегда подтверждала все, о чем только ни просил ее Лева, а потому неудивительно, что на другой день она уже с утра писала Дарье Михайловне:

«Душечка, пришлите к нам вашу милую крошку, мы все очень ее полюбили, и при ней Лева как-то меньше хандрит и веселее учится...»

Иринка с торжествующим видом глядела на мать.

– А что, мамуся, – с гордостью проговорила она, – ты теперь сама убедились, что при мне он лучше учится!

И, полная собственного достоинства, девочка в тот же день отправилась с нянькой к Субботиным.

IV

Но вот наконец это трудное и скучное время прошло: зачеты были сданы, и, к чести Левы нужно сознаться, сданы блестяще.

Всякий раз, когда мальчик приносил хороший балл, Иринка с торжеством летела к Левиной бабушке и уже издали кричала ей: «Бабуся, бабуся, а у нас опять пятерка!» – и шумно бросалась в объятия старушки.

Гимназистов распустили за неделю до праздников, и Лева начал серьезно обдумывать теперь, какой бы сюрприз приготовить для Иринки.

Он решил устроить маленькую елку и попросил у бабушки денег.

– Неужели тебя еще интересует такой вздор, как устройство елок; ведь ты теперь уже большой мальчик! Милочка будет смеяться над тобою! – возмущалась Лиза.

– Ну и пусть себе смеется! – презрительно пожимал плечами Лева. – Можешь передать ей, что мне в высшей степени безразлично, что обо мне думает эта глупая девчонка!

И Лева продолжал очень серьезно совещаться с бабушкой относительно покупок всевозможных сластей и необходимых украшений для елки.

Увы, мальчику не удалось устроить задуманный им сюрприз для маленького Жучка. Перед самым праздником Лева сильно простудился, у него разболелось горло, и перепуганная Прасковья Андреевна быстро уложила его в постель.

Разумеется, Иринку не стали пускать к нему, несмотря на все слезы и горячие мольбы девочки разрешить ей ухаживать за Левой.

Дарья Михайловна, желая как-нибудь утешить ребенка, в свою очередь устроила для нее маленькую елочку, но девочка все время оставалась печальной и даже как будто осунулась и немного побледнела за последние дни.

– Уж и ты не расхварываешься ли у меня? – озабоченно говорила Дарья Михайловна, шупая лоб дочери; но Иринка была здорова, она просто скучала по Леве.

За три дня до Нового года мальчику стало легче, горло его перестало болеть, и старшим братьям и Лизе разрешено было входить в его комнату.

Однако это несколько не радовало больного.

– Ах, они только шумят и надоедают мне! – жаловался Лева, немного капризничая после болезни. – Бабушка, пошлите за Ирой, я хочу с ней повидаться, ведь теперь уже нет опасности для нее?

– Ну вот еще что придумал, к чему это ребенка тащить сюда! ворчала Надежда Григорьевна, не любившая маленьких детей. – Неужели и без того у нас мало кутерьмы перед праздниками? Целыми днями толчея стоит!..

Так что ж, матушка, пусть у вас и стоит толчея! – сухо заметила бабушка. – А Жучок посидит у Левы, и тут девочка никому не помешает! Да и, кроме того, мальчику после болезни нужен покой, а весь этот шум только раздражает его, и я даже очень рада, если около него побудет Ирочка, она такой тихий и кроткий ребенок!

И бабушка после завтрака сама заехала за ней к Дарье Михайловне.

– Будьте спокойны, душечка, – говорила она, – опасности никакой больше нет, он только еще немного слаб и не должен вставать с постели, но доктор решительно всех пускает к нему!

И вот, к великой радости своей, Иринка наконец водворилась у постели больного.

Девочка прицепила себе на грудь большой крест, вырезанный из красной бумаги, повязала голову белой косынкой, надела большой передник и серьезно уверяла всех, что теперь она Левина «милосердная сестра»!

Ее и называли все в доме «милосердной сестрой», и скоро оказалось, что она не только никому не мешает, но даже, напротив того, чрезвычайно полезна всем.

Никто лучше ее не угождал больному, когда мальчик начинал хандрить и беспрестанно требовал то одного, то другого.

Девочка умела исполнять его желания со свойственной ей кротостью и спокойствием и нисколько не раздражала его. Она подавала лекарство, приносила питье, укрывала ноги, если он жаловался, что ему холодно, тихонько гладила его голову, когда он не мог заснуть, и скоро сделалась необходимой своему больному другу.

Все же остальные в доме, и в особенности шумливая Лиза, ужасно раздражали его, и мальчик был рад, когда около него оставались только бабушка и Жучок.

Теперь и Надежда Григорьевна переменила свое мнение об Иринке и сама начала просить Дарью Михайловну почаще и подольше оставлять у них девочку, а накануне Нового года было решено даже, что Иринка придет к ним с утра и останется ночевать у Субботиных.

В этот день Лева был как-то особенно раздражителен и капризен.

Мальчик страшно скучал. Вечером ожидалось много гостей, предполагалось устроить танцы, гадание, *petits jeux* (Комнатные игры, забавы), а он должен был лежать один в своей комнате и не мог даже выйти к ужину, чтобы встретить Новый год со всеми.

– Мы придем в двенадцать часов поздравлять тебя с шампанским! – в виде утешения говорили ему старшие братья. – Доктор и тебе разрешил выпить один бокал!

Но это мало утешало мальчика, и он продолжал хандрить и капризничать.

В десятом часу вечера Иринку отправили спать. Ее уложили в комнате бабушки, рядом с Левиной.

– Ты только постучи немножко в стенку, если тебе что понадобится! – убеждала девочка. – А я уж услышу!

Она еще раз заботливо поправила одеяло больного и осмотрела столик около его постели, где были приготовлены на ночь питье, лекарство и коробочка с облатками от кашля.

Иринка ушла, и Лева остался один.

Спать ему не хотелось; он лежал с открытыми глазами и невольно прислушивался к оживленному говору в доме.

Прислуга гремела посудой в столовой, готовя все к ужину, молодежь громко болтала и смеялась в гостиной, а рядом в зале раздавались веселые звуки рояля.

Весь этот праздничный шум глухо доносился теперь по коридору в отдаленную комнату Левы, где, напротив, царила полная тишина, и сегодня, среди этой удручающей тишины, мальчик чувствовал себя почему-то особенно одиноким.

«Хоть бы кто по коридору прошел!» – думал Лева.

Словно в ответ на это желание около его двери послышались осторожные шаги...

На минуту бабушка тихонько заглянула в его комнату, но, убедившись, что мальчик лежит спокойно, она решила, что он заснул, и медленно направилась дальше.

– Бабушка! – Нетерпеливо окликнул ее вслед Лева, но старушка не слыхала его голоса, и скоро шаги ее совсем затихли в конце коридора.

«Ну, шабаш, значит! Теперь до двенадцати часов уже никто больше не придет ко мне!» – печально подумал Лева, и ему стало даже немного жутко.

Засуетившаяся прислуга, должно быть, позабыла опустить у него темные шторы, и теперь в окна смотрела морозная звездная ночь, и лунный свет, проникая широкими серебристыми полосами в спальню мальчика, придавал нечто призрачное всей обстановке этой просторной комнаты.

Лева попробовал было заснуть и, закрыв глаза, повернулся даже на другой бок, но заснуть он не мог; как нарочно, сегодня ему лезли в голову самые невероятные ужасы и разные, давно позабытые, старые истории.

Мальчику почему-то все вспоминалась теперь одна сказочка бабушки, которую Прасковья Андреевна прежде часто рассказывала внуку.

«Однажды под Новый год, вот в такую же морозную, лунную ночь, к одному больному мальчику является маленькая фея... Мальчик слышит легкий шум ее шагов, слышит шелест ее одежды, но сама фея так прозрачна и так светла, что он сначала принимает ее только за бледный луч месяца. Волшебная гостья, однако, тихонько подходит к его кровати и склоняется над изголовьем ребенка.

– Кто ты?! – спрашивает очарованный мальчик.

– Я сказка! – отвечает фея и кладет свою нежную ручку на горячий лоб больного. – Ты закрой глаза и слушай! Я буду рассказывать тебе разные чудные истории до тех пор, пока ты не уснешь, и тогда мы полетим вместе с тобой в мои волшебные страны, где зимою горит яркое солнышко, цветут фиалки и распускаются белые розы...»

«Белые розы... белые розы...» – машинально повторял про себя Лева; веки его понемногу смыкались, он начинал дремать...

Внезапно легкий шум в коридоре заставил мальчика снова очнуться. Лева быстро открыл глаза и насторожился: ему почудилось, что он слышит чьи-то осторожные шаги...

Затаив дыхание, мальчик неподвижно смотрел на белую дверь своей комнаты, освещенную луною, и ему казалось, кто-то стоит за нею и тихонько дергает ее ручку...

«Тьфу ты, Господи, неужели у меня опять лихорадка начинается и я брежу?» – подумал Лева и приподнялся на подушке.

В эту минуту дверь действительно неслышно отворилась и на пороге показалась маленькая фигурка, вся в белом...

– Лева, Лева, ты спишь? слышался тихий, нерешительный шепот. Маленькая фигурка в белом стояла теперь в полосе лунного света и походила на волшебную героиню бабушкиной сказки.

– Ах, Иринка, как ты напугала меня! – с облегчением вздохнул Лева, и ему стало ужасно смешно. «Какой же я дурак, однако!» – подумал он и вдруг весело расхохотался. – Ну иди, иди сюда, Черный Жук, побудь со мною! – Мальчик был очень доволен, что теперь не один. – Только как же это ты не спишь, ведь уже поздно, должно быть? Верно, и тебе немножко страшно одной в комнате, Жучок, так, что ли, признавайся?

– Нет, мне не было страшно, я нарочно не спала! – проговорила девочка. – В мою комнату тоже светила луна, и окна казались совсем-совсем голубыми, а стекла замерзли, знаешь, и на них такие странные, такие чудные рисунки! Ну вот, я смотрела да смотрела и длинные сказки про себя сочиняла. Хочешь, расскажу тебе?

– Ну полно, Иринка, какие теперь сказки, тебе спать пора!

– Нет-нет, я уже сказала, что нарочно не спала. Я все ждала, когда в коридоре станет совсем тихо и все уйдут к гостям; у них там весело, музыка, – верно, танцевать будут... а ты тут один, Левочка... Я и решила, что приду к тебе и мы будем вместе Новый год встречать! Хочешь?!

– Ах ты мой славный, добрый Жучок! – Мальчик был искренно тронут. – Ну давай вместе встречать Новый год тогда; не беда, если ты один день ляжешь немного позднее, а мне, признаться, тоже не спалось, да такая скука, такая тоска брала!.. Я рад, что ты пришла, Иришка, спасибо тебе! Полезай скорей на кровать, тут холодно в комнате! Однако в чем это мы, матушка? Никак босиком? Ах, глупая, глупая девчонка, долго ли простудиться!

– Да ты не бойся! – успокаивала Иринка. – Самой-то мне не холодно, разве только ногам немножко... Я, видишь, закуталась в свой белый пуховый халат, а вот туфель-то я никак и не могла найти в темноте!

– Ну, скорей, скорей полезай сюда! торопил Лева, приподымая девочку с пола.

Он усадил ее к себе на кровать и укрыл ноги краем одеяла.

Иринка, все еще под впечатлением своих сказок, глядела вокруг широко раскрытыми глазами, и в воображении ее вставали все новые чудные картины.

– Вон и у тебя на окнах такие же красивые узоры, – задумчиво проговорила девочка. – Точно кружево тонкое. Ты разве никогда не сочинишь сказок?

– Ну вот еще что выдумала, конечно, никогда! – засмеялся Лева. – И что тут хорошего в замерзлых стеклах? Даже и смотреть-то на них холодно!

– Ах какой ты смешной! – удивлялась Иринка. – Да смотри же, смотри, что за прелесть, и как блестит все! Точно замок серебряный! А вон там, на горе, видишь? – указывала девочка. – Видишь, там Снегурочка стоит, и она плачет горько, горько плачет! Дед Мороз ее домой не пускает... – таинственно и почти шепотом проговорила Иринка, низко склоняясь над Левой. – Но ты не бойся, не бойся! – все так же тихо продолжала девочка. – У Снегурочки есть жених, прекрасный молодой принц, и он приедет за ней на белом коне, и кафтан на принце будет тоже белый. Но по дороге перед ним вырастет хорошенькая белая елочка, и принц захочет сначала объехать ее, но вдруг окажется... это уже вовсе и не елочка, а...

– А мой Черный Жук дорогой! – весело засмеялся Лева и, обхватив девочку обеими руками, крепко прижал к себе.

С минуту дети сидели молча.

Тихо было в их комнате. Только из столовой по-прежнему доносился отдаленный говор гостей да звуки вальса...

Но вот звуки замолкли... казалось, в столовой вдруг наступила полная тишина...

«Бум, бум, бум!...» – торжественно и протяжно раздался бой старинных больших часов...

– Десять, одиннадцать, двенадцать!.. – медленно считал про себя Лева. И вдруг громкое, радостное «ура» огласило весь дом и понеслось по коридору в их комнату, зазвенели бокалы, задвигались стулья, и снова заиграла музыка, но на этот раз еще торжественнее, еще веселее...

– Новый год!.. – тихонько прошептала Иринка, быстро приподнимая голову. – Они там чокаются теперь, и нам пора с тобой! – Девочка быстро достала из кармана своего халата небольшой белый узелок. – Ты не думай, я ведь не с пустыми руками к тебе пришла, – проговорила она с таинственной и немного лукавой улыбкой. – Смотри-ка, это я еще с елки для тебя берегла! – Иринка с гордостью принялась развязывать узелок, где у нее бережно сохранялись с десятков золотых орехов, несколько пряников и немного пастилы и мармеладу.

Девочка очень аккуратно разложила все эти сокровища на постели перед собою и теперь с торжествующим видом глядела на Леву.

– Ну, давай есть, Левочка! – весело предложила она, поудобнее усаживаясь на кровати. – Ты что хочешь? Выбирай сам! Или нет, постой, я лучше попробую раньше и скажу тебе, что вкуснее.

Девочка откусила маленький кусочек мятного пряника и немного пастилы.

– Пастила лучше! – решила она. – Мягче, ты бери пастилу, а я буду есть пряники!

Леве стало совсем весело, и он теперь послушно исполнял все, что ему приказывала девочка. Она ужасно занимала его.

«Этакий смешной Жучок, право! – внутренне потешался мальчик. – Чего-чего не придумает только!»

– А ты знаешь, я ведь уже гадала в этом году! – не без важности проговорила Иринка. – И представь, как странно, все совпало, как взаправду, все верно мне вышло!

– Вот как, и что же вышло-то? – еле удерживаясь от смеха, спросил Лева.

– А вот, видишь ли, няня моя имена спрашивала у извозчиков, ну и я тоже спросила у одного, и представь, он мне сказал: «Лева!»

– Как, неужели «Лева», так прямо и сказал: «Лева»?! – удивился мальчик.

– Нет, не совсем так, он не сказал прямо «Лева», а сказал «Леонтий», но няня говорит, что это то же самое и все равно что Лева!

– А ты разве так убеждена, что твой жених будет непременно называться Леонтием? – весело расхохотался мальчик.

– Ну конечно же, я ведь на тебе женюсь! – совершенно спокойно и с полной уверенностью проговорила Иринка.

– А, вот как, на мне?! – засмеялся Лева. – Ну что ж, на мне так на мне, будем знать! Решено, значит, моя невеста! – И он церемонно поднес к губам ее маленькую смуглую ручку. – А теперь, Черный Жук, – шутливо продолжал мальчик, – для такого торжественного момента следовало бы нам и чокнуться с тобою; как жаль, право, что у нас тут шампанского нет!

– Ах, Господи, да что ж это я! – спохватилась Иринка. – Чуть не позабыла совсем! Погоди, погоди, Левочка, ведь и у нас есть шампанское, ты увидишь! – И девочка принялась озабоченно шарить в карманах своего халата.

Оказалось, что она действительно захватила с собою два небольших игрушечных бокала и такой же маленький граненый графинчик с настоящим сладким белым вином, которое она выпросила у бабушки.

Иринка осторожно разлила вино по бокалам, и оба, жених и невеста, преважно чокнулись теперь, поздравляя друг друга с Новым годом.

– Однако что же нам пожелать себе в будущем Новом году? – спросил Лева.

– А пожелай, чтобы я поскорее на тебе женилась! – серьезно проговорила Иринка.

В эту минуту в противоположном конце коридора слышались торопливые шаги и сдержанный говор приближающихся молодых людей.

Братья сдержали слово и с бокалами в руках спешили в комнату Левы, чтобы поздравить его с Новым годом.

– Сюда идут! – тихонько шепнула Иринка. – Прощай, я теперь побегу к себе, а то меня заберут, что я так долго не сплю да еще без туфель, босиком бегаю!

Девочка снова обняла Леву и, быстро соскользнув на пол, скрылась неслышно за дверью, как настоящая маленькая волшебница.

– Покойной ночи, мой Жучок! – ласково прошептал ей вслед мальчик и, повернувшись на бок, спиной к двери, сделал вид, что спит.

Лева уже встретил свой Новый год и больше не хотел ни с кем чокаться!

V

Прошло два года.

Казалось бы, два года – не ахти какой долгий срок, а между тем много воды утекло за это время и в семье Субботиных произошли серьезные перемены.

Старое бабушкино гнездо почти совсем опустело.

Трое сыновей Надежды Григорьевны окончили гимназию и укатили в Петербург, чтобы поступить в университет, две старшие дочери вышли замуж, и дома оставались только Лиза да Лева.

Лева, впрочем, также кончал гимназию в этом году и также, разумеется, стремился в университет.

Надежда Григорьевна все чаще и чаще поговаривала теперь о том, чтобы к осени всей семьей перебраться в Петербург, и Лиза горячо поддерживала ее в этом намерении.

– Господи! – вздыхала девушка. – Скоро ли мы наконец выберемся из этого захолустья; мне просто до смерти надоел наш противный муравейник!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.